

иконописи. Главным в русской иконописи становится не спокойная уверенность в грядущем спасении и грядущей гармонии, а поиск гармонии, и в этом, по Трубецкому, «драма встречи двух миров» [5, с. 12].

Итак, символизм русской иконописи получает свое воплощение следующим образом: наблюдается особое отношение к колористическому решению, в котором символика цвета Дионисия Ареопагита получает распространение в русской иконе в национальной интерпретации; получила распространение предметная символика, связанная с различением иконографического типа, о которой писал Мартыновский; народные русские традиции отражаются в иконописи в виде национальных предметов или орнамента; в наиболее значимых иконах проявляется глубинная символика и трактовка религиозных образов, опирающаяся на богословские традиции христианской церкви. Русская иконопись, в отличие от византийских икон, отличается национальной окраской и в то же время глубиной богословского решения. Богословский подход позволил создать образы, имеющие непреходящее общечеловеческое значение для всего православного мира.

Библиографические ссылки:

1. Бердяев Н. Философия неравенства. / Н. Бердяев. – М.: Мысль, 2000. – с.340.
2. Вздорнов Г.И. Новооткрытая икона Троицы из Троице-Сергиевой Лавры и «Троица» Андрея Рублева. / И. Г. Вздорнов // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV-XVI вв. – М.: Искусство. – с.151-152
3. Демина Н. А. «Троица» Андрея Рублева. / Н. А. Демина – М.: Искусство, 1963. – с.71-72
4. Лазарев В. Н. Русская иконопись от истоков до начала XVII века / В. Н. Лазарев. – М.: Искусство, 2000. – с.540.
5. Трубецкой Е. Н. Три очерка о русской иконе: Умозрение в красках. Два мира в древнерусской иконописи. Россия в ее иконе. / Е. Н. Трубецкой – М.: ИнфоАрт, 1991. – 183 с.
6. Философия русского религиозного искусства XVI-XX вв. Антология. – М.: Прогресс, 1993.-400 с.

УДК 141

М. С. Олещенко

ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ СИМУЛЯКРА В УЧЕНИИ ПЛАТОНА

Рассмотрена, культурно-онтологическая природа симулякра в творчестве Платона. В статье озвучены проблемы различия сущности и кажимости, подделки и копии, образца и симулякра. Проведенное исследование выявило, что рассмотрение сущности понятия симулякра в диалоге «Софист» подняло громадную проблему в современной культуре, получившее свое обоснование в трудах многих мыслителей XX века.

Ключевые слова: симулякр, Платон, копия, софист, фантазм, идол, современная культура.

Розглянута культурно-онтологічна природа симулякра у творчості Платона. У статті наведена різниця між сутністю і уявністю, підробкою і копією, образом і симулякром. Проведене дослідження виявило, що сутність поняття симулякр в діалозі «Софіст» підняло величезну проблему в сучасній культурі, отримавши своє пояснення у працях багатьох мислителів XX століття.

Ключові слова: симулякр, Платон, копія, софіст, фантазм, ідол, сучасна культура.

Considered cultural and ontological nature of the simulacrum in the works of Plato. The article announced differences between original and imaginary, imitation and copy, image and simulacrum. The consideration of the essence of the concept of the simulacrum in dialogue “Sophist” has raised a huge problem in modern culture, which we can find in the works of many thinkers of 20 century.

Keywords: simulacrum, Plato, copy, sophist, fantasm, idol, modern culture.

© М. С. Олещенко, 2012

Постановка проблемы в общем виде и связь ее с важными научными и практическими задачами. Есть некоторые категории слов, объяснить которые кратко и понятно практически невозможно, тонкости смыслового значения которых сменялись от мыслителя к мыслителю от эпохи к эпохе. Одной из таких категорий является понятие симулякр, которое можно интерпретировать разве что на примерах. Симулякры проникают в различные области

общественной жизни и оказывают влияние на культуру повседневности, закладывая основу для образования единого медиа-пространства. Понятие симулякр стало одной из главных характеристик современности благодаря исследованию многих современных французских философов. Но исследование природы симулякра можно обнаружить и значительно ранее XX века, к примеру, в текстах античных философов. Подтверждение этому произведения Платона, Эпикура, Лукреция, Демокрита и многих других мыслителей.

Анализ исследований и публикаций. Античный философ Платон изложил свое понимание природы и сущности симулякра в диалоге «Софист». Полноценное исследование концепции симулякров Платона можно обнаружить в философских трудах Ж. Делеза. Не многие исследователи обращают внимание на понятие симулякра, рассмотренное Платоном, в основном его интерпретируют через понятие-подражание «мимезис», рассмотренный Платоном в других диалогах, который является только частичной характеристикой понятия симулякр.

Постановка задачи. Предпосылки возникновения понятия симулякр в творчестве Платона. Культурно-онтологическая природа симулякра по Платону. Различия сущности и видимости, подделки и копии, образца и симулякра. Особенности и влияние концепции симулякра Платона на философские труды мыслителей XX века.

Изложение основного материала. Наиболее полное исследование культурно-онтологической природы симулякра осуществил Платон в своем диалоге «Софист». Мыслитель проводит разделение между хорошей копией или образом, который существует в Идее и в ложной копии, симулякре, который повторяет только голый образ без участия Идеи. Платон уже тогда был озадачен методом разделения объектов, чтобы отличить истинное от ложного.

Отправной точкой в анализе есть платоновская формула о мире сущностей и мире видимостей. Благодаря которой есть возможность провести различия между «вещью» самой по себе и ее образом, оригиналом и копией, моделью и симулякром. Данное различие возможно при осуществлении деления методом, о котором идет речь во многих диалогах Платона. К примеру, в диалоге «Государство» Платон, говоря о подражании и подражателях, отводит место копиям, которые отобраны во имя идентичности образца только по внешним характеристикам. Потому он и отвергает поэзию Гомера и всех последующих подражательных поэтов. Он задается вопросом: «Гомер не был на войне, не участвовал в устройстве городов или в воспитании людей, то как он может об этом писать?» [3, с. 127]. Из этого Платон выводит заключение – поскольку они «подражатели образов добродетели и других, которые описываются в их стихотворениях, а истины они не касаются, подобно тому, как мы сейчас говорим о живописце, который, сам не зная сапожного мастерства, рисует сапожника, и рисунок его невеждам, видящим только краски да образы, кажется действительным сапожником» [8, с. 600—601]. Подражание, по мнению Платона, есть забава, несерьезное упражнение. Согласно Платону созидать может тот, кто сведущ в том, чему он суть подражает. В свою очередь те, кто не знает о чем говорят, не должны браться за подражание. «Добрый поэт, если хочет прекрасно делать, что он делает, должен знать дело, а иначе он не в состоянии будет совершить его» [8, с. 600—601]. Как отмечает А. Ф. Лосев в отношении философии Платона в своем исследовании «Очерки античного символизма и мифологии»: «Если поэт только изображает какую-нибудь вещь, а сам сделать ее не может, то это только значит, что он водится представлением, а не сущим» [3, с. 236]. Заметим, что Платон не отвергает поэзию вовсе как вид искусства, но ему нужна другая поэзия, которая бы «оказалась и превосходной, и вполне правдивой», по поводу же современной поэзии «нельзя считать всерьез, будто такая поэзия серьезна и касается истины» [8, с. 608]. Поэтому Платон изгоняет из своего «Государства» поэтов, и делает это, прежде всего, из моральных соображений.

Но в «Софисте» Платон продвигается еще глубже, в диалоге подражание разделяется на два вида искусства, благодаря которому Платон натывается на новое понятие, еще более сложное, чем подражание, – это «симулякр». [7, с. 235]. Первым строгим различием, установленным Платоном, есть образец и копия. На этом он не останавливается, Платон идет еще глубже, различая саму копию и фантазм.

Французский мыслитель Ж. Делез, осуществивший проницательный анализ платоновской теории подражания, подчеркивает, что подлинное платоновское различие — «это не различие оригинала и образа, но двух видов изображений (идолов)»; «копии — лишь первый их вид, второй составляют симулякры (фантазмы)» [1, с. 160]. Платон в «Софисте» осуществляет деление не с целью различения родов и видов, отчисления разницы между чистым и не чистым, аутентичным и не аутентичным. Его различие имеет более глубокий смысл – выслеживание ложных объектов, чтобы обнаружить симулякры. «Двигаясь в направлении поиска симулякра, проницая в его хаос, в мгновенном проблеске Платон открывает то, что симулякр – не просто ложная копия, а то, что он ставит под вопрос вообще всяческие изображения копии и модели» [2, с. 78]. Платон различает и даже противопоставляет образец и копию лишь ради выделения

избирательного критерия между копиями и симулякрами; «первые основаны на связи с образцом, вторые дисквалифицируются как не выдержавшие испытания копией и требованием образца» [2, с. 81]. Итак, мыслитель в изобразительном искусстве различает два вида: «один — творящий образы, другой — призраки» [7, с. 264].

В диалоге различие состоит между двумя видами образов. Следует отметить, что копии это вторичный обладатель, обеспеченный подобием. Однако симулякры являются ложными претендентами, они возникают при отсутствии оригинала, обозначая извращение или отклонение. Поэтому у Платона можно найти два образа-идола: с одной стороны – копия-изображение, с другой – симулякр-фантазмы. Как отмечает Ж. Делез «Мотив Платона сводится к вопросу о том, что именно обеспечивает триумф копий над симулякрами. Это проблема подавления симулякров, удержания их на глубине, предохранения от всплывания на поверхность и от способности симулякров «вкрадываться» во что бы то ни было» [2,81].

Делез предлагает платоновскую модель подражания через две формулы: «различается только то, что подобно», и «только различное может быть подобно друг другу». «Существует два разных способа прочтения мира. Одно призывает нас мыслить различие с точки зрения предварительного сходства или идентичности, в то время как другое призывает мыслить подобие или даже идентичность, как продукт глубокой несоизмеримости и несоответствия» [1, с. 93]. Первое чтение уже изначально определяет мир копий или репрезентаций; оно устанавливает мир как изображение. Второе чтение, в противоположность первому, определяет мир симулякра, устанавливая сам мир в качестве фантазма. «Возникает громадное различие между разрушением, имеющим своей целью сохранение и увековечивание установленного порядка репрезентаций, моделей и копий, и разрушением моделей и копий ради утверждения творящего хаоса, выполняющего функцию симулякра и возвышающего фантазм» [1, с. 93].

Во многом понимание симулякра у нас сформулировано на примерах современных симулякров рекламы, медиа-пространства и прочего, а вот интересно познакомиться с примерами симулякров, зафиксированными античными мыслителями. Одно из таких можно найти в записях Плиния Старшего. В своем труде «Естественное знание. Об искусстве» он повествует о том, что одним легендарным на то время художником Зиксисом была изображена гроздь винограда. Плиний отмечает, что «стая птиц повелась на гроздь винограда как на настоящий виноград (в данном случае это наш симулякр), попробовав то, что было не настоящим, то, в чем не было ничего реального, чего бы они хотели». [9, с. 547]. В данном случае нарисованный виноград слишком далек от настоящего, оригинального содержания их сущности, поэтому художник копирует не идеальный виноград, который должен быть их моделью (в платоновском смысле), а только внешнее проявление видимых плодов винограда.

Отношение к призракам (симулякрам) у Платона резко отрицательное. В диалоге можно найти примеры ложных подобий, вот один из них: «Волк подобен собаке, самое дикое существо подобно самому кроткому. Но человеку осмотрительному надо больше всего соблюдать осторожность, так как это самый скользкий род» [7, с. 231]. Здесь Платон обращает внимание читателя на коварство и неоднозначность симулякра, имеющего сходства с самым мирным и дружелюбным существом на свете. Коснувшись темы видимости, в этом контексте интересное допущение сделал Ж. Делез: «Если и существует видимость, то различие идет между великолепными, хорошо обоснованными аполлоновскими видимостями и другими видимостями — вкрадчивыми, вредоносными и пагубными, не чтящими ни основание, ни обоснованное» [1, с. 56].

По мнению Ж. Делёза, платоновское рассуждение построено на «желании изгнать фантазмы или симулякры, которые идентифицируются с самим софистом, этим дьяволом, этим лжецом или симулянтом, этим вечно смещенным и замаскированным лже-претендентом» [1, с. 89]. Для Платона софист – это производитель призраков, считает своей задачей «не выпустить зверя». По Платону, сам Софист представляет собой бытие симулякра. Он олицетворяет его как сатир, кентавр или Протей, который повсюду пробирается, вмешивается не в свое дело, незаметно вкрадывается и втирается во все. «Ну разве не шуткой надо считать, когда кто-нибудь говорит будто все знает и будто мог бы за недорогую плату в короткий срок и другого этому научить» [7, с. 231]. Софиста Платон относит к «роду фокусников», что он «занят забавой», — все это напоминает рассуждения Г.-Г. Гадамера о том, что современное искусство сродни игре.

Характерной особенностью при определении симулякра является и тот аспект, что копия – образ, имеющий подобие, в то время как симулякр – образ, лишенный подобия. В данном определении можно, копнув глубже, обнаружить бодрийяровский комментарий – симулякр имеет форму, но не имеет содержания. Т. е. симулякр полностью внешнее, имеющее подобие формы, но внутри образ отсутствует. Здесь актуально вспомнить скептический пример Ж. Делеза. Бог сотворил человека по образу и подобию. Однако в результате грехопадения человек

утрачивает подобие, сохраняя при этом образ. Мы становимся симулякрами.

Благодаря анализу, проведенному Ж. Делезом, открываются интересные грани интерпретации Платоном симулякра. По мнению Ж. Делеза, Платоном в намерении различения и обнаружения симулякров движет моральная мотивация. «В симулякре осуждается состояние свободных океанических различий, кочевых дистрибуций, увенчавшейся успехом анархии — вся эта вредоносность оспаривает понятия образца и копии. Позже мир репрезентации сможет забыть о своем моральном начале». Репрезентация в платонизме выполняет важную функцию, определяя границы области копии или симулякра, их обоснованность и отбор.

Стремление Платона направлено на обеспечение победы изображений над симулякрами. «Таким образом, платонизм открывает целую область, которую философия позже осознает как свою собственную: область репрезентации, наполненную копиями-изображениями и определяемую внутренним отношением к модели или основанию, а не внешним отношением к объекту» [1, с. 91].

Что интересно, на проведенный анализ понятия симулякра Платоном, не все мыслители обращают внимание. К примеру, А. Ф. Лосев, осуществивший фундаментальное исследование творчества Платона, всматриваясь в диалог «Софист» обнаруживает только то, что он осуществил разделение искусств на подражательные и созидательные. А. Ф. Лосев, отмечает, что «расхождение между Платоном и Аристотелем в том, что один из них разделяет искусства на подражательные и неподражательные (тут Лосев указывает, что подражание может быть понято в разном смысле), а другой этого не делает» [3, с. 187]. И о симулякре, обнаруженном Платоном, далее не слова, в основном фигурирует понятие подражание, которое для нас является только частью характеристики феномена симулякра. Тем не менее на это разделение видов подражания особое внимание обратил Ж. Делез, увидев в нем первую постановку проблемы симуляции, получившей широкий резонанс во второй половине XX века и более всего освещенной Ж. Бодрийяром. В настоящий момент можно говорить о триумфе симулякра в нашей культуре. Господствующий феномен как в античные времена, так и сейчас действует скрыто и латентно, «прикрываясь агрессией, используя инсинуацию, ниспровержение». [2, с. 56]

В этом контексте Ж. Делез в работе «Различие и повторение» приходит к следующим выводам: воздействие симулякров особенное, «их система утверждает расхождение и смещение; единственное соединение, единственное совпадение всех рядов — поглощающий их бесформенный хаос. Ни у одного ряда нет преимущества перед другими, ни один не обладает тождеством образца либо подобием копии. Ни один не противостоит другому и не аналогичен ему. Каждый состоит из различий и коммуницирует с другими посредством различий. Венчающие анархии заменяют иерархии репрезентации, кочевые дистрибуции — оседлые дистрибуции репрезентации» [1, с. 106].

Ж. Делез предлагает понятия, посредством которых можно описывать систему симулякров, которые сначала кажутся совершенно отличны от категорий репрезентации: «1) глубина, *spacium*, где образуются интенсивности; 2) формируемые ими расходящиеся ряды, очерченные ими поля индивидуации (факторы индивидуации); 3) связывающий их «темный предшественник»; 4) соединения, внутренние переключки, последующие вынужденные движения; 5) учреждение в системе пассивных мыслящих субъектов и субъектов-личинки, а также формирование чистых пространственно-временных динамизмов; 6) качества и пространства, виды и органы, формирующие двойную дифференциацию системы и перекрывающие предыдущие факторы; 7) центры упаковки, свидетельствующие тем не менее о стойкости этих факторов в развернутом мире качеств и пространств» [1, с. 107].

Вследствие философских исканий Ж. Делез определяет симулякр как «инстанцию, включающую в себя различие (по меньшей мере) двух расходящихся рядов, которыми он играет, устраняя любое подобие, чтобы с этого момента нельзя было указать на существование оригинала или копии» [1, с. 120]. Более детальную характеристику природы симулякров Делез дает в работе «Платон и симулякр»: «симулякр не есть деградирующая копия, он содержит в себе позитивный заряд, который отрицает и оригинал, и копию, и образец, и репродукцию, в симулякре «сходство сохраняется, но оно возникает как внешний эффект» [2, с. 66]. Понятие симулякра как копия копии обращает нас в постмодерную культуру, примеры из которой служат яркой иллюстрацией данного феномена. Спецификой культуры постмодерна есть то, что симулякры, которые возникают как копии без основания, при отсутствии оригинала состоят в отношениях только с другими копиями.

Познакомившись с пониманием феномена «симулякр» у Платона и Делеза, было бы интересно их сравнить. Итак, определение понятий «призрак» у Платона и «симулякр» у Делеза. Призраком в диалоге «Софист» склонны называть то, что, «с одной стороны, кажется подобным прекрасному, хотя при этом и не исходит из прекрасного, а, с другой стороны, если

иметь возможность рассмотреть это в достаточной степени, можно было бы сказать, что оно даже не сходно с тем, с чем считалось сходным» [7, с. 236]. Ж. Делёз, признавая значимость платоновского метода, утверждает: «Отвергнуть сегодня платонизм, это значит выпустить на свободу симулякров, подчиниться их власти» [1, с. 76]. В данном случае могу лишь отметить тот факт, что симулякры уже давно на свободе, плетут свою паутину иллюзий и обмана в современной культуре.

Культурно-онтологический анализ симулякра, проведенный еще в античные времена Платоном, поднял громадную проблему в современной культуре, получившую свое обоснование в трудах многих мыслителей XX века. Античным философом были озвучены проблемы различения сущности и видимости, умопостигаемого и чувственного ощущения, проблему различения оригинала и копии, идеи и образа, образца и симулякра, подделки и копии, проблему репрезентации, т. е. все те проблемы, которые остро заявили о себе в XX столетии. Современность, согласно мнению многих современных мыслителей (Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Фуко, Батай, Джеймсон и многих других), определяется властью симулякров. И многие эти философы пытались провести грани между копией и симулякром, между истинной и ложной копией. Однако отличить симулякр от копий, подделок, оригиналов и образцов довольно сложно. К примеру, мудрость Платона заключается в том, что в финале диалога «Софист», он отказывается от какого-либо их различения, «различие смещено, разделение оборачивается против самого себя, действует в противоположном направлении и, углубляя симулякр (грезу, тень, отражение, живопись), показывает его неотличимость от оригинала или образца» [1, с. 86]. Итак, отказавшись от попытки различения, Платон, по мнению Ж. Делеза, как бы предвосхитил осмысление постмодернистской ситуации, сложившейся на исходе XX столетия — ситуация, получившая название постмодернистской, при которой наряду с подлинно художественными творениями существуют симулякры разного уровня.

Библиографические ссылки:

1. Делёз Ж. Различие и повторение / Ж. Делёз // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/deleuze/01/index.html>
2. Делёз Ж. Платон и симулякр / Ж. Делёз // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/intent/07deleuze.html>
3. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.; Мысль. 1993. С. 726.
4. Дьяков А. В. Ж. Бодрийяр стратегия «радикального мышления» / А. В. Дьяков. – СПб.: 2008.
5. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: 2000.
6. Бодрийяр Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийяр // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.koob.ru/audrillard/>
7. Платон. Софист / Платон // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psylib.ukrweb.net/books/plato01/23sofis.htm>
8. Платон. Государство / Платон // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psylib.ukrweb.net/books/plato01/26gos01.htm>
9. Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. М.; Ладомир. 1994. С. 908
10. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. - М. Наука, 2005

УДК 141.1:930.1

В. Н. Чекер, П. А. Кузнецов

ФИЛОСОФИЯ ГЕГЕЛЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ: ПУНКТИРЫ ОППОЗИЦИИ РАЗУМА И РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Розглянуто типи відносин людини до світу в контексті гегелівського, екзистенціального і постнекласичного розуміння раціональності. Показана можливість подолання опозиції екзистенціальної філософії до гегелівського раціоналізму за допомогою використання ідей тоталогії, що розвиваються в сучасній класиці.

Ключові слова: типи наукової раціональності, гегелівський, екзистенціальний і постнекласичний варіанти наукової раціональності, опозиція між класичним і некласичним типом раціональності, можливості подолання опозиції засобами тоталогії.

Рассмотрены типы отношений человека к миру в контексте гегелевского,

© В. Н. Чекер, П. А. Кузнецов, 2012